

DUGIN Evgeniy Yakovlevich, Dr.Sci.(Soc.), Head of the Chair of TV-Journalism, Academy of Media Industry (105, bld. 2 Otkryabr'skaya St, Moscow, Russia, 127521; e.dugin@yandex.ru), member of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation

INFORMATION AND COMMUNICATION MEDIA SYSTEMS OF REGIONS IN THE STRATEGY OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Abstract. The article considers the possibilities of modern information and communication media systems, in particular the local broadcasting, and non-economic factors in the formation of regional development of The Strategy of Spatial Development of Russia and the state regional policy.

Keywords: information and communication media systems, regional policy, local and municipal TV, strategy of spatial development

ОЛЕШКОВА Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института – филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета (622031, Россия, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57; oleshkova@bk.ru)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье определяется методологическое поле изучения многоуровневого феномена доминирования и анализируется эмпирический материал, характеризующий властные отношения как дискурсивные. Ресурс власти заключается не только в принуждении как таковом, но и формировании ценностных смыслов, значимых для отдельных социальных групп или общества в целом. На уровне манипулятивного и идеологического дискурсов складываются, а посредством медиапространства тиражируются стереотипы, предрассудки и иные атрибуты языка вражды. Реализуясь через систему «новояза» – искусственной языковой системы, аккумулирующей эти дискурсы, в социуме утверждаются временные представления об истинности, референтности, объективности и иных маркерах устойчивости современного миропорядка, определяющих, в конечном счете, идентичность субъекта.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, новояз, идентичность, язык вражды, хештегизация сознания, троллинг

Власть и дискурс. Власть является важным проявлением асимметричных взаимоотношений, которые, в свою очередь, свойственны миропорядку как таковому: начиная с коммуникаций между государствами и заканчивая межличностными контактами, можно говорить о стремлении различных субъектов к доминированию. Помимо институтов, традиционно считающихся носителями функции принуждения (государство, полиция, правительство, армия и т.д.), существуют и иные акторы (как коллективные, так и индивидуальные), компетенция которых подразумевает реализацию своей воли даже вопреки желанию других субъектов.

Власть связана не только с процессом принуждения, но и с созданием актуальных смыслов и идей. По словам М. Фуко, власть имеет прямое соотношение с дискурсом [Фуко 2006: 51]: обладание последним обуславливает обладание первым. При выявлении угнетения, заключенного в тексте и направленного на удерж-

жание влияния над кем-либо, можно определить категории более глобального характера, которые присутствуют в языке и обуславливают социальные роли в обществе: паттерны, последовательности, иерархии. В этой связи нужно понимать, что существуют различные трактовки дискурса в отношении его структурированности и предвзятости [Матисон 2013: 25, 26]. Это обстоятельство должно учитываться при анализе проявлений социальной жизни, характеристике различных культурных практик и их оценке.

Медиадискурс. Категория «власть» является системообразующей для различных социальных контекстов [Штомпка 2005: 386]. Обладание властью — показатель контроля над данным контекстом. Медиапространство, представленное телевидением и сетью Интернет, является мощным агрегатором смыслов, возможно, с точки зрения степени доступности, публичности, массовости и концентрации в едином информационном поле — основным контекстом для современного человека. Источником закрепления и порождения мифов, стереотипов, редукций становятся относительно новые медиа: социальные сети, блоги, онлайн-программы и др. интерактивные медиа. При этом медиапространство — это единственное пространство, которое позволяет нам считать, что мы осведомлены о динамике протекания процессов, к которым мы не имеем прямого отношения. Именно в нем маркируются ценностные смыслы и оценки отдельных фрагментов действительности.

Смыслы, порождаемых в медиапространстве, являются референтными для определенной части общества и подлежат активному воспроизводству в том или ином виде. В этой связи для социального анализа существует несколько эпистемологических сложностей, которые указывают на непрозрачную для верификации ситуацию и ее участников. Важную роль в создании смыслов играют определенные экспертные группы, однако в медиапространстве трудно обозначить конкретного субъекта трансляции смысла. Т. Ван Дейк отмечает, что именно группы элит формируют позиции общества [Ван Дейк 2013: 41], однако в случае с медиадискурсом фактор компетентности «говорящего социума» скорее будет являться допущением. В условиях глобализации и информатизации власть, как и идеология, не является опцией одного субъекта. Функционирование современного медиапространства сопровождается усложнением социальных взаимоотношений между субъектами, вовлеченными в него. Виртуализация современного общества усиливает его дискурсивность.

Дискурс-анализ и критический дискурс-анализ. Современные социальные и гуманитарные исследования активно используют дискурсивные методологии. Дискурс-анализ — это междисциплинарное исследовательское направление, исходящее из ключевой роли языка в специфике функционирования общества. В частности, оно позволяет установить связь между СМИ и другими институтами общества. С помощью дискурс-анализа можно изучать медиапространство как контекст формирования позиции общества по различным вопросам, а также исследовать процесс его медиализации [Матисон 2013: 13]. Важной задачей, достижение которой возможно только при участии различных научных направлений, является понимание способа мышления, характерного для того или иного общества, и установление связей между мышлением, сознанием и культурой.

Критический дискурс-анализ направлен на выявление стереотипов и предрасудков, скрытых форм дискриминации и эксплуатации, оказывающих влияние на идентичность субъекта, которая является одновременно социокультурным, политическим и лингвистическим феноменом, фиксирующим взаимоотношения с социальными структурами и различными субъектами. Именно критические исследования позволяют анализировать сложно опознаваемые проявления

насилия посредством слов [Жижек 2010: 5]. В сфере внимания данного метода находятся выявление и анализ таких актуальных вопросов, как злоупотребление властью, гегемония, расизм, стереотипы, дискриминация, предрассудки и другие проявления стигматизации отдельных социальных групп.

В целом дискурс-анализ позволяет выявлять репрезентации «чужой» и «своей» культуры. В современном обществе указанная поляризация проявляет себя в отделении мира христианского от мира мусульманского, что, например, обусловлено общественной реакцией на теракты в европейских странах, с одной стороны, ближневосточных, африканских и азиатских государствах – с другой. Несмотря на общепризнанность ценности человеческой жизни, сопереживание «чужому» оказывается гораздо сдержаннее, нежели восприятие «своей» трагедии. Немаловажным фактором, способствующим этому ментальному размежеванию, становится и медиaprостранство, в котором демонстрация упомянутых событий даже в количественном отношении не соответствует масштабу случившегося: число жертв терактов в странах Ближнего Востока (Сирия, Ирак), Азии (Афганистан, Пакистан) и Африке (Мали, Нигерия), а также их периодичность гораздо выше, нежели в Европе, однако в медиaprостранстве фактически отсутствует рефлексия трагедий в странах Востока, скорее напротив, их собирательный образ описывается не как «жертва», а как «враг».

Отношение людей друг к другу, к процессам и явлениям, выраженное в языке, не только отражает их собственный стиль жизни, но и порождает определенный тип культуры, который следует понимать в конкретно-историческом измерении.

«Новояз» в системе дискурса. Категория «новояз» активно используется применительно к языку тоталитарных обществ. Однако глобальная современность, представленная текстом, определила тренд на власть посредством слова. В этой связи современный «новояз» – искусственная языковая система, которая выступает одновременно как маркер и способ формирования социокультурной реальности. «Новояз» как дискурс власти реализуется в медиaprостранстве, которое в условиях анонимности и деперсонификации может рассматриваться как коллективный носитель идеологии. Использовать данную категорию нам позволяет квазиполитичность большинства тем, которые попадают в поле активного обсуждения в медиaprостранстве: экология, религия, спорт, культура, бизнес. В этой связи «новояз» не только передает реакцию социума на резонансные события и конструирует сам предмет дискуссии, но и определяет идентичность субъектов как временных вместилищ собственного «я».

Учитывая сложность и противоречивость современных социокультурных и политических процессов, критический дискурс-анализ, вовлекающий практики мультимодального анализа, располагает разнообразным материалом для исследования. Относительно новыми источниками, которые позволяют изучить дискурс по схеме «текст + контекст» и приблизиться к пониманию механизма формирования социокультурной реальности через гетерогенные дискурсивные практики, являются заголовки новостей, комментарии к ним, карикатуры, мемы, демотиваторы, наклейки на автомобили и др.

В рамках российских реалий следует отметить событийный ряд внешнеполитической и внутривнутриполитической направленности, вокруг которого с 2011 г. по настоящее время формируется современный «новояз». Важными событиями стали выборы в Думу и президентские выборы (2011 и 2012 гг.), резонансные законопроектные нововведения, коррупционные скандалы и перестановки в эшелонах власти. На динамику внутренней политики оказали влияние противоречивые процессы (с 2013 г. по настоящее время) в Украине, Сирии, Турции и реакция на них США и ряда стран Евросоюза. Указанные направления в политике породили

ряд тем для дискуссий в медиапространстве, что стало основой для современного российского «новояза», вовлекающего политическую проблематику фактически в любой дискурс.

Вот примеры современного российского «новояза».

Власть, коррупция, выборы: «маски-шоу», «пакет яровой», «загон», «бизнес», «ылита», «нанозарплата», «госдура», «кремлеботы», «взбесившийся принтер» и др.

Запад: «Фашингтон», «киларша», «трампизация мира», «баба Хилли», «Гейропа», «еврейцы», «Наглия», «Банан Обама», «Наты» и др.

Восток: «восточный дворик», «Пердоган», «Ердоган», «Эрдогаша», «Жапония», «brat arab» и др.

Украина: «хахлы», «правосеки», «майдаун», «майданутый», «Бандеростан», «Укропия», «Юкрейна», «Усраина», «Потрошенко», «Парашенко», «Парашка», «Вальцман и Ко» и др.

Помимо новейших проявлений «новояза», сохраняются устоявшиеся наименования: «хохлы», «пиндосы/пендосы», в современности эти понятия могут приравниваться («американские хозяева»).

Своего рода матрицей для понимания идеологической позиции «говорящего социума» стала дихотомия «*власть — оппозиция*», наполненная разнообразными высказываниями о «своих» и «чужих»: «путиноиды», «жоппозиция», «нояблисты», «демо-шиза», «либерасты», «православнутые», «швобода», «грантососы», «протестность головного мозга», «православие головного мозга» и др.

Основная масса всех обозначенных примеров отражена в комментариях к новостям и аналитическим материалам, размещенным в социальных сетях и на информационных порталах, при этом обозначенные (или близкие им) «послания» используется не только в онлайн-форматах общения, т.е. в медиапространстве (преимущественно Интернет и частично — телевидение), но и в оффлайне, т.е. в реальной речевой и социальной практиках.

Для «новояза» характерны нарочитое искажение правописания, конструирование новых терминов с использованием ненормативных корней, игра слов, ведущие либо к уничтожению оппонента, либо к демонстрации несерьезности описываемых явлений и процессов. Обозначенные примеры позволяют составить представление об образах врага, которые господствуют в обществе; понять, какие события современной повестки дня (в т.ч. международной) рассматриваются негативно, а какие, напротив, поддерживаются; выявить распространенные упрощенные образы действительности (стереотипы) и основные объекты дискриминации. В российском «новоязе» враг показан через представление о неполноценности в сексуальной и интеллектуальной сфере, однако стратегий представления врага существует гораздо больше [Филинский 2002: 56–86]. Одним из важных вопросов, который объединяет большинство примеров, является проблема свободы, безопасности личности, истинности информации («деза»). Каждая сторона считает, что «враг» покушается именно на эти категории.

В политическом пространстве России циркулирует вполне однозначное восприятие (без полутонов) происходящих событий, при этом можно выделить их полярные оценки. Однако трактовки этих событий не лишены синкретичности, когда сочетаются и уживаются друг с другом противоречивые феномены как на уровне синхронии, так и диахронии: война, мир, религия, месть; одновременно приветствуются дореволюционные, революционные, советские, постсоветские идеалы.

Обоснование идеологичности «новояза» — это одновременная аргументация в пользу использования данного понятия при существующих смежных терминах: политический сленг, политический дискурс, язык ненависти, медиадискурс,

олбанский язык и др. В целом, в медиапространстве «говорящий социум», состоящий из полуанонимных субъектов, можно разделить на условных «либералов» и «славянофилов», в дискуссиях между которыми важными темами являются политика (прежде всего внешняя) и история (прежде всего военная). Если история и внешняя политика — устойчивые константные ориентиры для «войны риторик», то внутривнутриполитические события — локальные, однако также активизирующие споры вокруг идеологических вопросов. Важным примером являются многочисленные законы, принятые Государственной думой 6-го созыва, и общественная реакция на них.

Дискурс-анализ предполагает учет контекста развертывания дискурса. Языковая практика опосредована социальным локусом, вследствие чего «лингвистические конвенции» не являются константой [Eckert, McConnell-Ginet 2003: 52-53]. В современном «новоязе» также существуют общие для обеих групп категории, которые можно интерпретировать исключительно в контексте: «патриот», «Крым наш», «духовные скрепы». Внеконтекстными, которые при любом употреблении и с позиции любой из сторон считаются негативными, являются сравнения оппонента с фашистом и в меньшей степени — с пропагандистом («фашистская хунта», «пропагандоны»). Именно общие и внеконтекстные категории являются демаркационной линией при обвинении одних в отношении других (например, в русофобии или в прислужничестве Западу).

В медиапространстве отношения доминирования, гегемония и безапелляционность оценок проявляют свою устойчивость и относительную пролонгированность через категорию «хештег» (*hashtag*, символ #, подразумевающий сведение тематики по какому-либо вопросу под одно наименование, нередко оценочное). Вследствие сегментации смыслов и их связей с потенциальным субъектом можно говорить о феномене хештегизации сознания, указывающей на привязку субъекта к определенной информации, при которой дискурс опосредует ее субъекту; при этом складывается ситуация отсутствия добровольного выбора. При анализе доминирующих представлений, господствующих в медиапространстве, нужно учитывать и явление троллинга. Однако, несмотря на то что условный «троль», по определению, тиражирует оценки, которые не отражают его предпочтения, такие дискурсивные практики позволяют выделить значимые для группы смыслы в зеркальной перспективе.

Таким образом, властные отношения в современном обществе, в котором важную роль играют символические системы, получают активную репрезентацию в медиапространстве, создающем новые условия для опосредования социального мира дискурсом. Актуальные события политической сферы находят свое отражение в «новоязе», который не только является реакцией социума на резонансные процессы и явления, но и способствует гегемонии смыслов, установлению способов мышления, характерных для общества или его части. Посредством процедуры негативного оценивания не только устанавливается власть над «другим», но и формируется собственная идентичность («я — не он»). Представляется, что условная схема, раскрывающая последовательность (и включенность) различных аспектов репрезентации отношений доминирования, вследствие которых определяются демаркации того, что в мире правильно, а что — нет, может быть следующей: «медиапространство → дискурс власти → дискурс манипуляции и идеологии → язык вражды → новояз → хештегизация сознания → социокультурная реальность».

Список литературы

Ван Дейк Т. 2013. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* (пер. с англ.). М.: КД «ЛИБРОКОМ». 344 с.

- Жижек С. 2010. *О насилии*. М.: Европа. 184 с.
- Матисон Д. 2013. *Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов* (пер. с англ.). Х.: Гуманитарный Центр (О.В. Гритчина). 264 с.
- Филинский А.А. 2002. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.*: дис. ... к.филол.н. Тверь. 143 с.
- Фуко М. 1996. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет* (пер. с франц.). М.: Касталь. 448 с.
- Штомпка П. 2005. *Социология: анализ современного общества* (пер. с польск. С.М. Червонной). М.: Логос. 664 с.
- Eckert P., McConnell-Ginet S. 2003. *Language and Gender*. Cambridge University Press. 366 p.

OLESHKOVA Anna Mikhailovna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Humanities and Social Studies, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute – branch of Russian State Vocational Pedagogical University (57 Krasnogvardeiskaya St, Nizhniy Tagil, Russia, 622031; oleshkova@bk.ru)

POWER RELATIONS REPRESENTATION IN CONTEMPORARY SOCIETY

Abstract. *The article defines a methodological field of studying the multilevel phenomenon of dominance and analyzes the empirical material characterizing relations of power as discursive ones. Power resource includes not only coercive power as it is, but also is shaping values, meaningful for definite social groups in the concrete-historical perspective. The power of mass media is a currently central target of critical discourse research. Critical discourse analysis enables identifying the dominant daily discourses, which represent celebrated socio-political processes and phenomena. Stereotypes, prejudices and other attributes of hate language take shape on the level of manipulative and ideological discourses; and they are replicated by means of media scene. Being realized by means of the newspeak system, i.e. an artificial language system, which accumulates these discourses, temporary conceptions of realness, referentiality, objectivity and other markers of the modern world order stability are approved in society, eventually defining the agent identity.*

Keywords: *critical discourse analysis, newspeak, identity, hate speech, hashtagging consciousness, trolling*
